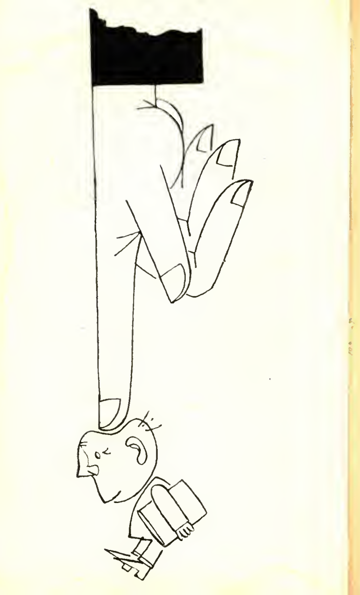

Р. СЛУЦКАЯ

МАЛЕНЬКИЕ СЛАБОСТИ

РИТА
СЛУЦКАЯ

МАЛЕНЬКИЕ СЛАБОСТИ

Сатирические
рассказы

1971
Кишинев
«Картя молдовеняскэ»

ПРИЕМЫ

У вежливого

— Следующий, — роняет секретарша.

Мышкин прошмыгивает в дверь. Пройдя шагов двадцать по ковру, оказывается у стола начальника.

— Я к вам, товарищ Котищев...

— Во-первых, здравствуйте, — радушно улыбается Котищев. — Садитесь, пожалуйста, — указывает он на кресло.

Усевшись, Мышкин утопает по самые уши.

— Я вас слушаю.— Сцепив кисти рук, Котищев кладёт их на стол жестом никуда не спешащего человека. Его лицо выражает сосредоточенное внимание. Голубоватые глаза светятся лаской.

— Дело в том... —начинает Мышкин.

Звонит телефон.

— Извините, одну минуточку... — улыбается Котищев и берёт трубку. — Да, да, приеду, как всегда, к обеду. Да, смотрел, смотрел. По-моему, темноват, надо бы посветлей. Что? Принимаю граждан. Нет, нет, не помешала. — Он кладет трубку. Лицо его некоторое время хранит отсутствующее выражение. Спохватившись, снова изображает предельное внимание.

— Так дело, видите ли, в том...— начинает Мышкин.

Дверь распахивается. На пороге появляется уборщица.

— Извините, одну минуточку... — улыбается Котищев. — Что случилось, Даша?

— Антонид Иваныч! Да прикажите вы ироду этому, завхозу проклятому, веники людские покупать! А то притащит хвосты облезлые, и мети сто раз одно место! Жене, небось, такие не притащит! Капроновых бы щёток, а то люди давно пользуются, а мы про химию только языком болтаем!

— Про какую химию?

— Про химию-синтетику, не знаете, что ли!

— Тётя Даша у на просвещённая,— улыбается Мышкину Котищев. — Ладно, Даша, видишь, у меня приём.

— У каждого свои приёмы, — с достоинством говорит Даша. — Так скажете завхозу?

— Скажу, скажу, — машет рукой Котищев и всем корпусом подаётся к Мышкину.—Слушаю вас.

— Дело в том... — торопливо начинает Мышкин.

Отворяется дверь, и входит мужчина с гроссбухом.

— Тут, Антонид Иваныч, надо согласовать одно дело...

— Извините, одну минуточку...— улыбается Мышкину Котищев и склоняется над гроссбухом.

Мышкин вздыхает, выбивает ногой дробь о паркет, но это не отвлекает деловых людей.

Уходит, наконец, мужчина с гроссбухом.

Котищев обращает к Мышкину внимательное лицо.

— У меня такое дело! — выпаливает Мышкин.

Открывается дверь. Секретарша кладёт на стол пухлую папку.

— Извините, одну минуточку... — улыбается Мышкину Котищев. И подписывает бумаги.

Мышкин поднимает руку, чтоб почесать затылок...

— Всего хорошего! — подхватывает на лету эту руку Котищев. — Очень рад, заходите. Следующий, — кивает он секретарше.

У «демократа»

Когда Мензуркин вошёл, над столом возвышались только плечи начальника, голова была опущена вниз.

«Инфаркт!—ёкнуло под ложечкой Мензуркина. — И как раз в мою очередь!»

Но в это время начальник поднял голову.

— Ерунда, — сказал он, — а в чем она, ерунда эта самая, дьявол ее знает! Ты, случаем, не разбираешься в этих штуковинах? — протягивает он фотоаппарат «Смена».

— К сожалению... — виновато улыбается Мензуркин. — Не приходилось, знаете...

— Я тоже этой чепухой не занимаюсь, да вот сынишка попросил, а родитель пример подавать должен, так?

— Совершенно верно.

— То-то. Ну, что у тебя, давай выкладывай.

— Я, Мефодий Карпыч...

— Постой, перебью. Насчет радикулита не слыхал, не придумали чего новенького? Замучил, подлый, как есть замучил! Жена говорит — от сидячей жизни. Так что́ мне тебя, к примеру, стоймя принимать или как? И зуб

вот тоже, жнтья не дает. Жена говорнт — корень гннлой. Был бы гнилой, давно бы вывалнлся, а этот держнтся. Шатается, бестня, а — держнтся! Я уж чего-чего нн делал! Только что лягушек жнвьем не глотал.

— Вы бы к врачу...

— Чтоб вырвал? Дудкн! Я еще нм попользуюсь. Ты Ивашкнна Мнрона Егорыча знаешь? Из Сельхозснабсбытзапа? Так он сам себе зуб — раз! — и нету. Прямо нnточкой, подедовски. Что нн говори, а, между намн, и в старнну кое-что правнльно было. Нnточкой, а! Здорово, ннчего не скажешь! Ну, так ты насчет чего?

— У меня, вндnте лн, двое детей...

— А у меня однн, да такой, скажу тебе, сорванец, свет не вндывал! Пуще всего кнно любит. Я ему говорю...

В кабннет бесцеремонно входнт жердеобразный мужчнна с такнм кадыком, словно он проглотнл в господнем саду не одно яблоко, а два.

— Это что же, гражданин! — наступает он на Мензуркина. — Зашёл к начальству и лясы точишь? Ежелн каждый так делать будет, другне уйдут не солоно хлебавши! Закончнл — идн и голову не морочь! — Отстраннв Мензуркнна, садnтся на стул. — У меня, Мефоднй Карпыч, дело не терпнт!

— Подождн, ты в этой штуковнне кумекаешь? — Он вытаскнвает из ящнка фотоаппарат. — Сынншка, поннмаешь, нагрузнл. Про погоду не слыхал, перемена ожндается илн как? А то у меня нога, подлая, разнылась, сатана её дери совсем! Ну, что у тебя, говори да

покороче, а то я этого не люблю, закорючки всякие, решим вопрос — и с плеч долой!

У «принципиального»

— Так как, товарищ начальник, — спрашивает Илькин, — можно мне на третий объект перейти? Живу рядом, а на первый таскайся за тридевять земель. Вот, заявление принёс, — кладет он на стол бумажку.

— Принципиально не возражаю.

— Спасибо, товарищ Недеев, большое спасибо! — Илькин вылетает в обитую дерматином дверь.

Надеев полузакрывает глаза. Выпуклые, в морщинистой коже, они в таком виде напоминают треснувший грецкий орех. Посидев так некоторое время, нажимает кнопку.

— Гаврил Гаврилыча, — говорит он вошедшей секретарше.

Появляется Гаврил Гаврилыч.

— Здесь этот... — он двумя пальцами берет заявление, — Илькин, что ли, просит перевести его на третий объект.

— Отказать! — отрезает Гаврил Гаврилыч.

— Принципиально не возражаю.

Гаврил Гаврилыч уходит.

Вбегает Илькин.

— Товарищ Недеев! Гаврил Гаврилыч не переводит! Я же вам объяснил, и вы же сказали...

— И теперь говорю: принципиально не возражаю.

Илькин выбегает.

Появляется Гаврил Гаврилыч.

— Что же вы, Модест Лаврентич, опять посылаете ко мне этого Илькина? Вы же сказали...

— И теперь говорю: принципиально не возражаю.

Гаврил Гаврилыч уходит.

Вбегает Илькин.

— Товарищ Недеев!..

— Какой же ты, братец, настырный! Я же сказал: принципиально не возражаю.

У твердокаменного

Горячёв взволнованно излагал свой вопрос.

Начальник не мигая смотрел на него. Но в его облике была такая самоуглубленность, такая полная отрешенность, что Горячёв невольно дрогнул: «Уж не йог ли он?» Однако продолжал с прежней страстью:

— Итак, бессонные ночи, думы, сомнения, опыты, испытания — всё, всё позади! Чертежи готовы! Понимаете: готовы! Представляете это торжество, эту радость свершения, когда в твоих руках реальное, живое, предметное воплощение твоей мечты, твоего дерзания, неудержимого полёта мысли! Нет, скажите, представляете?!

Начальник молчал.

— Ну вот, — продолжал Горячёв. — Я взял чертежи и помчался к начальнику отдела. А он... Нет, вы не поверите, что он сказал! «В ближайшее время не смогу вами заняться».

Нет, вы, конечно, не поверите, но это его подлинные слова! Так ответить человеку, который — он это хорошо знал! — всю силу своей души, весь жар своего сердца вложил в этот труд! Разве это вас не возмущает! Нет, скажите, не возмущает?

Не получив ответа, Горячёв продолжал:

— Но я не сдался, нет! Я пришёл к вам, товарищ Мудрецов, ни секунды не сомневаясь, что вы тут же ознакомитесь и не медля дадите ход делу! Я вам рассказал о принципе, эффективности, вы так внимательно слушали, что это даёт мне основание быть уверенным, то есть полагать... посмотрите, вот... — Горячёв открыл папку, его пальцы слегка дрожали. — Взгляните, пожалуйста, вот сюда...

Мудрецов шевельнулся.

На пороге возникла секретарша.

— Зарегистрировать? — догадалась она, беря у Горячёва папку. И кивнула, чтобы он следовал за ней.

Приём был окончен.

НАКАНУНЕ

В комнате, куда я вошел, царило необычайное оживление.

— Посмотрите, какая прелесть! — восхищалась экспансивная дама, демонстрируя прозрачную, усыпанную звёздами ракету. — Она так украсит ёлку!

— Простите, — обратился я к обладательнице ракеты,— мне бы выяснить один вопрос...

Но она стремительно бросилась к входящему мужчине.

— Ну? Купили? И верхушку? Трёхъярусную? Вот это да!

— Простите, — обратился я к вошедшему, — мне бы выяснить один вопрос...

Но тот схватил за локоток проходившую мимо девушку.

— Как с подарками? Что? Ещё не приобрели?! Ну, знаете, у вас отсутствует чувство ответственности! Праздник, что называется, на носу...

— Я же бегу! — заторопилась девушка.

Я засеменил за ней.

— Простите, мне бы выяснить один вопрос...

Но она порхнула в дверь.

Я пошёл к ближайшему столу. Там как раз зазвонил телефон.

— Что? Пригласительные билеты? Есть, есть. Делаю именные надписи.

— Простите, — начал я, — мне бы выяснить один вопрос...

— Сейчас ничего не могу! — И, вскочив, воскликнула: — Кто отвечает за буфет?

— Я отвечаю, — ответила женщина, подняв озабоченное лицо.

— Чего же вы сидите?!

— Не сижу, а составляю меню, а за покупками ещё с утра ушли трое. — Она кивнула на пустые столы.

— Фаршированная рыба будет? — встрепенулся старичок, вырезавший золотых рыбок.

— Простите, — обратился я к нему, — мне бы выяснить один вопрос...

Но он продолжал заниматься своим делом.

— Где заведующий?! — вскричал я в сердцах.

— Я заведующий, — раздался весёлый голос. Тяжело отдуваясь, в дверь протиснулся мужчина с громадным пакетом. — Что вам, голубчик?

— Мне бы выяснить один вопрос...

— После праздника, голубчик, после праздника. Новый год, новое, как говорится, счастье, хе-хе. Будьте здоровы. Ну, друзья, я свою миссию выполнил. Три дня по магазинам мотался, зато такие масочки добыл, умрёшь со смеху. А вы как? Деда Мороза организовали?

Я ушёл.

Да, забыл сказать: я зашёл в это учреждение двадцатого декабря.

ПЕРЕСТРОЙЩИК

— Нет, друзья, — сказал, собрав коллектив, новый начальник. — Так работать больше нельзя. Нельзя, товарищи! Мы должны решительно перестроиться, в корне изменить обстановку, в этом залог наших дальнейших успехов. Новая, совершенно иная расстановка сил создаст более благоприятные условия для нашего общего дела. Вот вы, товарищ, вы, вы, я к вам обращаюсь, вон, у окна! Вы чем занимаетесь в нашем учреждении?

— Бухгалтер.

— Бухгалтер. Так. Ясно. Ваша деятельность требует максимума сосредоточенности,

полного самоуглубления в дело. Мы это, товарищ э... э...

— Мемуаров.

— Товарищ Мемуаров, учтём. — Он что-то отметил на большом блестящем листе бумаги. — Дальше. Вот вы, товарищ, насколько мне помнится, наш кассир?

— Совершенно верно! — просиял тот.

— Вас перестройка нашего аппарата коснётся самым радикальным образом, поскольку финансы — основа основ, материальная и экономическая, личная и общественная.

— Правильно! — согласились все.

— Дальше. Вот вы, у двери, вас я тоже, вроде, помню...

— А как же! Кокоткина Мария Терентьевна, рассыльная-техничка.

— Техничка. Ясно. И вас учтём как немаловажное колёсико в общем механизме, помогающем, так сказать, и двигающем. Вы также подлежите всеобщей перестройке коллектива. — Он поставил крестик в крайнем углу своего листа.

Перебрав все штатные единицы, он заключил:

— Учтите, друзья, тянуть с этим делом не будем, завтра же начнём действовать!

Действительно, перестройка началась на следующий же день! Все, решительно все поменялись местами! Кассир сидел на месте бухгалтера. Бухгалтер — на месте калькулятора. Калькулятор — на месте машинистки. Машинистка — на месте... Впрочем, не всё ли равно, на чьём месте сидела машинистка? Важно, что перестройка состоялась!

Новый начальник ходил гоголем: оперативно осуществить перестройку целого учреждения—для этого, знаете ли, нужны данные! Недаром его прислали сюда выправить положение, недаром!

СОВЕТЧИК

— Здесь, товарищ Нулькин, назрел один вопрос, — сказал начальник своему заместителю.

— Да, да, слушаю вас.

— Насчёт новой модели.

— Понимаю, понимаю.

— Хотелось бы знать ваше мнение, вашу, так сказать, точку зрения.

— В каком разрезе?

— Можно внедрить её в производство, как по-вашему?

— А вы как считаете?

— Да я считаю, что можно.

— Я с вами согласен. Прекрасная модель, по всем статьям.

— Ну уж по всем. Есть недостатки, небольшие, правда... Но не лучше ли повременить, а, как думаете?

— Да, лучше, пожалуй, повременить. Поспешишь — людей насмешишь.

— Вообще-то да, но модель устареет...

— То-то и оно, вы абсолютно правы.

— Тогда, может, внедрить? А недостатки выправлять на ходу.

— Блестящая мысль! Я с вами согласен.

— Так внедрить?
— Безусловно.
— А, может, сначала выправить недостатки?
— Тоже правильно.
— Это ваше окончательное мнение?
— А ваше?

КОНСУЛЬТАНТ

— Нет, нет, я с вами не согласен, никак не согласен, что нашему учреждению не нужен консультант! Как же без консультанта, без Евгения Руслановича обходиться будем?! Мы же перед ним, прямо скажу, благоговеем, мимо кабинета на цыпочках ходим, шепотом говорим, а ежели посетитель голос повысит, по комнате будто ветер шелестит: все шикают! Вот какое уважение питаем!

Зайдешь к нему в кабинет, сердцем умиляешься. Три стены за книжными шкафами спрятаны, так что Евгений Русланович словно бы в букве «П» сидит. Сам строгий, с лица желтоватый — от сидения, видно, — и выражение такое, будто все мироздание в его мозгу уместилось. Сначала замрешь, потом уж по интересующему вопросу обратишься.

В этом году, правда, ни разу не обращались. А вот в прошлом или нет, в запрошлом, помнится, заспорили в обеденный перерыв о слове каком-то — так или этак пишется, и сразу — к нему, к консультанту. Он словарь полистал и — пожалуйста, вопрос прояснен!

То-то! Хоть и в кои веки понадобится, хоть по пустяшному делу, а все же всегда под рукой.

Как же это вы говорите: без консультанта?!

ТРУДЯГА

Да, легче было представить себе небо без солнца, звёзд и луны, чем учреждение без этого человека. Он трудился не покладая рук в буквальном смысле этого слова. В буквальном потому, что ему некогда было сесть и положить на стол усталые руки. Он был весь в движении, весь в деятельности: кому-то звонил, куда-то мчался, с кем-то спорил. С людьми разговаривал только на ходу. Машинистке диктовал в перерыве меж двумя глотками чая. С бумагами не шёл, а летел, хлопая дверьми и наступая на ноги встречным. Никто не обижался: занят человек.

Да, он был занят. И, как всякого занятого человека, поймать его было делом удачи. Чуть не весь день слышалось:

— Случайно не видели Ивана Андреича?

— Да где-то мотается.

— Не знаете, где Иван Андреич?

— Куда-то побежал.

— Иван Андреич! Одну минуточку!..

— Не могу. Делов! — следовал классический жест: ребром ладони поперёк шеи.

— Иван Андреич, тут человек...

— Что же мне, по-вашему, разорваться, что ли?

— Иван Андреич!

— Ну? Что?

— Да тут, видите...

— Ах, черт, — хлопал себя по лбу Иваи Аидреич. — Чуть ие забыл! — И убегал.

— Вот труднтся человек! — восхищалнсь сотрудиики.

В какую-то круглую дату отмечали заслуги Иваиа Аидреича.

— Все свою энергню, — говорил оратор, — все свои иезаурядные дaииые Иван Аидреич отдавал иашему общему делу, все силы тратнл иа поприще... э... э... Извниите, — скоифужеиио иаклоиился он к уху юбиляра,— чем вы, собственно, э... э... заиимаетесь в иашем учреждении?

— Как — «чем»? — с достоииством ответил Иван Аидреич. — Тружусь!

ПОДХОДЯЩАЯ КАНДИДАТУРА

Когда Никоднм Ивановнч вошёл, иачальник, озабочеиио нахмурив лоб, шагал по кабииету.

— А, Никодим Иваиыч! Садись, друг, садись. Дельце тут одно, поннмаешь, щекотливое... Ты, иавериое, слышал: сокращеиие у иас, на одиу единицу. Мероприятие, коиечио, правильное и вполне своевремеииое, ио это так, в общнх чертах. А косиуться частностн, то есть кого под эту едннничку подвести, тут, брат, задумаешься, потому — миого соображеиий во внимаине прииять иадо. Я и решнл: приглашу Ннкодима Иваиыча, он у иас давно работает, всех зиает, вот и посоветуемся. Ну-ка, подумай, кто у иас подходящая каидидатура?

— Да тут и думать нечего, Ивана Семёныча давно выкинуть надо. И коллектив, и вы, руководство, знаете, что он бездельник, лентяй, грубиян.

—Знаем, голубчик, знаем, правильную дал ты ему характеристику, хоть на лоб вешай. Но попробуй сократи его! Такую кашу заварит, до смерти не расхлебаешь. По судам затаскает, даром что без году неделя юридическую науку проходил. Не, с таким связываться — упаси бог! Уж лучше терпеть его, чем от него.

— Тогда Филимона Карповича. Выпивает и на работу сроду вовремя не пришёл.

— Согласен! Полностью согласен! — Начальник вздохнул, глаза его погрустнели. — Зять у него где-то что-то... Нет, давай уж кого другого.

— Людмилу Петровну бы можно, безо всякого ущерба. Делов у ней — кот наплакал, любой с её функцией справится.

— Уж это наверняка, про это и разговору нет! Веришь, я бы и секунды не думал, мигом бы сократил! Да что поделаешь, свояченицей жене приходится. Десятая вода на киселе, а жена всё равно жизни не даст! Да что тебе объяснять, сам человек женатый, понимаешь...

— Не понимаю, — пожал плечами Никодим Иваныч. — Начальству видней: сократил и сократил.

Начальник внимательно на него посмотрел и с силой хватил себя пятернёй по лбу, словно прихлопнул, наконец, не дававшего покоя комара.

— И как это мне сразу в голову не пришло! Никодим Иваныч, голубчик, ты уж не обижай-

ся, но самая что ни на есть подходящая кандидатура — это ты, дорогой! Посуди сам: человек ты работящий, за столько лет не то что выговора, замечания не имел, ты везде себе место найдёшь. К тому же тихий, безобидный, склоки не затеешь, по судам не пойдёшь. Пойдём, дорогой, пойдём к секретарше! Я приказ отдам, и ты сразу и распишешься!

НА РАБОТЕ

Прохаживаюсь по магазину, подхожу к чулочному отделу, вижу — шнурки висят. По совести сказать, не больно нужны они мне, шнурки эти самые, но раз зашла в магазин, купить уж чего-нибудь надо, верно?

— Подайте, — говорю, — шнурки.

А тут брюнетка подбегает:

— Женщина, пропустите меня, пожалуйста, я на работе...

В очереди зашумели:

— Не ты одна здесь такая!

А я сказала:

— Пускай берёт. — И пропустила вперёд себя.

Из магазина шла мимо кино. Дай, думаю, билет возьму, на вечер. Не то что боевик особенный, но то уж хорошо, что одна серия. Только деньги в окошко протянула, брюнетка тут как тут!

— Женщина, разрешите мне, я на работе...

Задние, конечно, опять: «Не ты одна здесь такая!», да не в том дело, а только поняла я:

работа — так, чистая выдумка, спекулирует, что все уважают работающих. И говорю:

— Нет уж, голубушка, за шнурками пропустила, а больше номер не пройдёт.

— Не верите, что я на работе?

— Не верю.

И не пропустила.

Потом я цветы в киоске покупала, из пенопласта, сувенирные. И опять брюнетка без очереди просится! Ну, думаю, ладно, времени не пожалею, а тебя так пристыжу, на всю жизнь запомнишь, каково людей в обман вводить!

И пошла за ней!

Водила она меня, водила... Где только ни побывали! А знакомых у ней, знакомых! И с каждым по полчаса рассуждает, и всё по пустякам, слушать тошно.

Я уж ног под собой не чуяла, когда она в переулок завернула, а там на доме вывеска «Топконтора». Нырнула в дверь, я — за ней.

Прошла она к столу, бумагами заваленному, села, соседке, за другим столом, говорит:

— Теперь ты иди, а я посижу.

И так мне стыдно сделалось, так стыдно! Человек, вправду, на работе, а я не поверила!

Но особенно в чувства ударяться некогда было, в свое учреждение побежала: рабочий-то день кончался...

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Лихорадка началась в конце старого года. Она охватила всех, от мала до велика, от уборщицы до директора.

Выдираемые из столов бумаги подбитыми птицами реяли в воздухе. Книги и папки глухо ударялись о паркет пола. Вешалки молниеносно освобождались от пальто, шляп, авосек и судков. Картины оставляли траурные пятна.

Весь инвентарь изгонялся вон. Чтоб ни духу, ни следа.

К зданию одна за другой подкатывали машины со свежезакупленной мебелью.

И вот сомкнутыми рядами встал новый, умноженный в числе инвентарь. Диваны сказочной расцветки сулили отдохновение в процессе труда. Керамические изделия увенчали шкафы и сейфы. Баснословно оцененные пейзажи повисли на всех четырех стенах. Пианино в чехле будило смутные музыкальные иллюзии. Трюмо-трельяж отражало оттенки чувств в момент борьбы за госкопейку.

Но тут появился главбух...

— Это что же такое?! — Он яростно давил себе виски. — Просчитались! Израсходовали не все отпущенные средства! Реализовать или спишут!

— По торговым точкам! — кликнул клич директор. — Брать все! Гинекологические кресла! Пилюли от ожирения! Рыболовные снасти! Киноюпитеры! Детективные романы!

И устремился в кабинет: составлять заявку на оборудование учреждения в новом финансовом году.

ЛОГИКА

Как-то попалась мне книжонка под названием «Логика». Прочитал. Ничего, полезная штука, может пригодиться в жизни.

Недавно я устроился на винодельческий завод на малоприметную должность.

Через сколько-то дней приходит управдом. Я радостно встретил его. А он глянул вниз и вбок и уронил: «Вы, я слышал, устроились на винзавод? У меня на днях день рождения». Когда он ушёл, я расшифровал взгляд и фразу и получилось: бутылочка вина. Я обратился к логике: одна звезда по сравнению с космосом — ничто, капля в море. Одна бутылочка вина по сравнению с продукцией завода — тоже ничто, капля в море.

Управдом получил бутылочку вина.

Потом пришёл мой друг Карпуша Чернов. Вбежал, обнял, обрадовал, что жена любит вино той марки, которую вырабатывает наш завод.

Я опять обратился к логике: стоит ли из-за бутылочки вина терять друга, работающего на мясокомбинате?

Карпушина жена долго жала мне руку левой рукой. В правой она держала бутылку.

Потом кто-то из знакомых захотел порадовать своих периферийных родственников винным подарком.

Опять я обратился к логике: если можно помочь человеку, почему не помочь?

Потом... Однако не буду утомлять вас однообразием своих рассуждений и действий.

Кончилось тем, что на заводе узнали, подняли шум, пошли разговоры, чуть не собрания. Договорились до того, что если каждый будет брать по бутылочке, то это выльется в центнеры и даже тонны.

Я хотел просить директора не снимать меня с работы, но он уже издал приказ: назначить меня завскладом готовой продукции.

Вот что значит логика!

ЛЕС РУБЯТ—ЩЕПКИ ЛЕТЯТ!

Прораб Вандалов положительно относился к пословицам и поговоркам.

Особенно по душе пришлась ему пословица «Лес рубят — щепки летят!» Было в ней что-то широкое, удалое! Эх, раззудись плечо, размахнись рука, круши, не жалей!

И еще любил Вандалов цитаты. Из классиков.

Поэтому, придя на территорию будущей стройки, торжественно произнёс: «Здесь будет домик заложен назло надменному соседу»! Под «соседом» он разумел растительность. Сколько ее, чуть не целый лес! Ну да ничего, справимся!

И пошла стройка. Этаж, другой, третий, седьмой...

Все! Построили.

И тут произошла неожиданность: пригласили куда следует Вандалова.

— Получай, товарищ прораб, ордер на квартиру. В построенном тобой доме. Рад, небось? Что ж, законно.

Но вместо законной радости на лице прораба появилась стеснительная улыбка...

— Бери, бери давай! — совали ему ордер.

А он не брал.

— Да ты что, болен?

— Здоров. Спасибо, конечно, но вы уж кому другому... У меня, правда, квартира маленькая... — переступил он с ноги на ногу. Но вдруг просветлел. — Зато благодать, знаете, природа кругом, растительность...

— И вокруг новопостроенного растительность, дачный же участок!

— Дачный-то дачный, да лес рубят — щепки летят... — вздохнул Вандалов, вспомнив оголенную им местность.

ВНЕШНЯЯ СЕКРЕЦИЯ

Он вошел, сияющий и победоносный.

— Ты бы посмотрела, во что я превратил помещение! — восторженно сказал он жене. — Главное — научно подошел к делу. Ведь что такое питание с точки зрения науки? Ассортимент продуктов, вызывающих деятельность внутренней секреции, так? Тонкая, скажу тебе, штука секреция эта самая, и добраться до нее нужно умеючи. Действовать приходится через положительные эмоции. Положительные эмоции — вот ключ к внутренней секреции! Да ты сама знаешь: испорть человеку настроение — и аппетита как не бывало. А аппетит для нас, работников пищевого блока, — альфа и омега, начало и конец. Когда у клиента аппе-

тит, он черепаху проглотит и панциря не заметит. Уловила взаимосвязь?

— Уловила.

— Прямая. А что действует на положительные эмоции? Красота! Да, милая, красота, внешние данные. Вот это и стало моей точкой опоры! Окна — во всю стену! Трафарет — ультрасовременный! Занавеси — стопроцентный нейлон! Шторы — кусты, водоем, луна — интимный элемент. Столы и кресла — никель и пластик, металл плюс химия! На столах — керамика с обнаженными ветками, как в романсе, помнишь: «И остались только две увядших роз, две увядших розы в темном хрустале...» Куда ты, дорогая?

— Я ненадолго. — Жена ушла.

Когда он, освеженный, вышел из ванной, стол уже был накрыт для обеда. Посредине стояла керамика с ветками.

Первая же проба вызвала на его лице эмоции, не имевшие ничего общего с положительными.

— Это... это... это что же такое?! Это же бред, а не борщ! Что ты в него набросала?!

— Ничего не бросала. Я взяла его в твоей столовой.

ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

На днях я встретила свою знакомую. Пришлось схватить её за рукав, иначе она промчалась бы мимо.

— Ой, милочка, тороплюсь ужасно! — сказала она. — Хлопот — даже не представ-

ляешь! Меняла, понимаешь, обои — целый день бегала, пока нашла по душе, ведь это не шутка — обои, правда? Но зато выбрала — умрешь! По оранжевому полю голубые розы, представляешь? Потом обновила кое-что из мебели, купила столик, универсальный! Смотришь — столик, да? А он же — горка, — дверца стеклянная,—он же книжный шкаф — книг у меня, сама знаешь, кот наплакал, так что поместятся, — он же письменный стол, но это мне ни к чему, и он же — главное! — туалетный столик, если поставить зеркало! Чудо, ага? Но это стоило мне двух дней беготни! Потом я была именинницей, — прости, я тебе звонила, но ты где-то пропадала! Потом за туфлями с утра до вечера охотилась! Шпилька — уже немодно, полушпилька — неэффектно, плоский — вообще ерунда! Потом была у тётки, за городом, весь день пирогами объедалась. Потом была на свадьбе у подруги — ты её не знаешь, — чуть не сутки танцевала, думала — заболею! Ну, пока, бегу в парфюмерный, дел миллион, а сегодня последний денек, завтра мне бюллетень закроют! Жалко, правда?

МАННАЯ КАША

Получив зарплату, я собрался в ресторан, но меня окликнула Марья Петровна.

— Захар Захарыч! Вы знаете Анечку из расчетного стола?

— Кажется, знаю, — ответил я. — Маленькая, черненькая.

— Да, да. Она выходит замуж!

— На здоровье! — искренне пожелал я.

— Так мы, знаете, собираем, вот список... Только, пожалуйста, не скупитесь, мужчина должен быть щедрым. — Она обворожительно улыбнулась.

Я отдал некую сумму и расписался.

У двери в вестибюль меня властно взяли за локоть. Это была Ираида Нестеровна.

— Захар Захарыч, у Ивана Савельича родился ребенок!

— Очень рад, — улыбнулся я.

— Мы решили собрать... В общем, распишитесь, вот здесь.

Я внес некую сумму и расписался.

Тут на мое плечо опустилась тяжелая мужская рука. Это был завхоз.

— У Макара Степаныча скончалась троюродная тетка, — вздохнул он. — Вот, списочек...

Я внес посильную лепту и шмыгнул на улицу.

— Захар Захарыч! Чуть не упустил! — Прямо на меня мчался Николай Николаевич. — Игорь Абрамович именинник! Вот, списочек... — Он вытащил из портфеля полватмана.

Игорь Абрамович был главой нашего учреждения. Я расписался на скользкой поверхности ватмана.

С витрины столовой улыбался карапуз, поглощавший манную кашу. Сегодня у нас с ним было одинаковое меню.

И ДНО, И ПОКРЫШКА

Шумело веселое лето, зацветали розы в саду...

Квартиросъемщица Федосья Ивановна проснулась в своей сверкающей после капитального ремонта комнате от того, что холодная капля шлёпнулась о лоб.

Федосья Ивановна вскочила с постели. На дворе шёл звонкий дождь, в лужах лопались радужные пузыри.

Федосья Ивановна побежала в домоуправление.

— Что случилось? — спросил управдом, похожий на академика в отставке.

— Людям ремонтируют, а мне дырья понасаживали!

— Какие дырья, что за дырья?

— В крыше дырья, текёт, проклятая!

Академическую солидность как рукой сняло. Теперь это был разгневанный воитель.

— Халтурщики! Я с них потребую! Лиза! — крикнул он машинистке. — Оставьте всё и печатайте протест «Ремстройконторе» с требованием срочно ликвидировать последствия ремонта! Слово ремонт возьмите в кавычки. А вас, гражданка, известим письменно.

— Так текёт же...

— Но вы же видите — я занимаюсь вашим вопросом.

Федосья Ивановна покинула контору.

Получив послание домоуправления, начальник «Ремстройконторы» тоже разгневался:

— Ишь, хитрецы! Сто раз один и тот же

объект ремонтировать?! Нет, голубчики, номер не пройдет! Муся! — крикнул он машинистке. — Оставьте всё и пишите этим умникам: видели очи, что принимали! А мы свои функции завершили!

Получив ответ «Ремстройконторы», управдом вскипел пуще прежнего...

Однажды Федосья Ивановна снова пришла в домоуправление.

— Текёт, — пожаловалась она.

— Идите-ка сюда. — Управдом извлек из ящика и раскрыл папку. — Все по вашему вопросу.

У Федосьи Ивановны зарябило в глазах: бумаг было много.

— А вы: «текёт»! До чего ж неблагодарный народ!

Отшумело веселое лето, зацвели хризантемы в саду... На дворе шел звонкий ливень, в лужах лопались радужные пузыри. Но с потолка у Федосьи Ивановны не падала капель.

Донышко консервной банки, прибитое к крыше соседским мальчишкой, с лихвой закрыло спорное отверстие.

ПЕРЕПУТАЛ

— Здравствуйте, куда это вы мчитесь? И вообще, чем расстроены?

— Расстроен! Слишком мягко сказано!

— Но в чём дело? Если, конечно, не секрет...

— Секрет? Наоборот! Я хотел бы, чтобы все знали! Нет, вы подумайте, что они сдела-

ли! Произвели капитальный ремонт моей квартиры.

— Поздравляю.

— Знаете, как я теперь дверь открываю? Верёвкой! Привязал и — на себя. «Эй, дубинушка, ухнем!» А снаружи — удар по воротам противника! А форточку открыть — на два пальца поднять, закрыть — на два пальца опустить! Верёвку на себя... удар по воротам противника... на два пальца поднять... на два опустить... верёвку на себя...

— Извините, дорогой, вы всё перепутали.

— Перепутал? Как — перепутал, что — перепутал?

— Всё перепутали. Верёвкой закрывается не дверь, а форточка, а поднять на два пальца надо дверь.

— А вы... откуда знаете?

— Так я же ваш дом принимал после капитального ремонта.

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ

Гостиница блистала новизной. И внутри всё было прекрасно: комната, ванная и прочее.

С дороги я устал и, придя в номер, лёг на диван. Правда, он был больше рассчитан на сохранение спортивной формы, чем на отдых, но ничего, зато модный. Я лежал, смотрел на плафоны, разные по форме и цвету, когда раздался стук в дверь.

— Разрешите побеспокоить... — В дверях

стоял мужчина с чемоданчиком. — Проверка отопления и канализации.

— Может быть, в другое время...

— Вот же люди, а! — вздохнул слесарь. — Для вас же, клиентов, стараемся! Что бы вы сказали, ежели паровое не грело, туалет не действовал? Забегали бы, жалобы строчили!

Положив чемоданчик на диван, он вынул инструменты, паяльную лампу. Я для него больше не существовал, если не считать укоризненных взглядов, которыми он меня время от времени награждал. Трубы гудели в ответ на стук молотка, пламя с шипением рвалось из горелки.

Ушёл он, не попрощавшись и не закрыв дверь.

Приведя в порядок диван, я лёг.

Раздался стук в дверь.

— Разрешите побеспокоить... — На пороге стояли две женщины.

Минуя меня как пустое место, они прошли к кровати, молниеносно содрали покрывало и простыни, принесли из ванной и бросили на стол полотенца. Начались сложные счёты. Мирная вначале атмосфера вскоре так накалилась, что я благословил жену, положившую мне в дорогу вату и «тройчатку». Первой я заткнул уши, вторую принял внутрь.

Женщины ушли. Дверь они прикрыли, и все три плафона качнулись на прощание.

Прибрав кровать, я лёг на диван.

Раздался стук в дверь. На пороге стояли пожарники.

— Простите, у меня ничего не горит...

— Профилактика!

Молодцы в касках добросовестно топтались в комнате, шумно отодвигали мебель. Вдруг один из них посуровел:

— Вы, вроде, недовольны, гражданин? Напрасно! Не вы один работаете, у всех план!

Я ушел.

Вернулся я ночью. Дверь запер на ключ. И вдруг она распахнулась! Кто-то шел прямо ко мне... Миг и — с меня сорвали одеяло!

— За номер платили?

— За трое суток...

— Пересменщик напутал! — Администратор ушёл.

Я вздремнул.

— Разрешите побеспокоить...

Над ухом зажужжали пчелы: к кровати полз пылесос.

В окно смотрели предрассветные звезды.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— Так что у вас горяченького?

— У нас все есть, ресторан первого разряда. Мадера, коньяк, опять же портвейн.

— Дайте, пожалуй, лангет, а?

— Красное, значит, только оно к жареному и идет. Кагор можно, ежели слабость в желудке.

— А если ростбифчик, с кровинкой, как считаете?

— К нему уж покрепче требуется, зверобой, либо, на крайность, спотыкач.

— А бефстроганов можно?

— Тут сухое подойдёт, кокур, рислинг невредно.

— А куры, кстати, есть, отварные?

— Тогда уж дамское придется, мускат, токай тоже.

— А рыба, есть у вас рыба?

— Ежели под соусом, тогда красное подадим, а ежели в соку, в собственном...

— Да, да, в собственном соку.

— Понятно, белоголовую значит.

— Нет, нет, чайку, пожалуйста.

— Не держим. Только горячительные напитки.

СТАКАНЧИК ТОМАТНОГО

Ура, моя очередь!

— Стаканчик томатного, пожалуйста.

Вбегает коллега продавщицы, о чём-то оживлённо шепчутся.

Я облизываю сухим языком сухие губы.

— Стаканчик томатного...

— Ну, что за люди, минуты подождать не могут!

Я жду.

Коллега убегает.

— Стаканчик томатного...

— Буду принимать товар. Потерпите!

Я терплю.

Принят последний ящик.

— Стаканчик томатного...

— Нет томатного! Следующий!

ПРИТЧА О ПАРИКМАХЕРШЕ

Жил иа свете юноша и звали его Игорь Лазуркии. Природа одарила его любовью к зианиям, и ие позже как завтра должеи ои был защищать диссертацию.

Но ие все идет так гладко, как хочется человеку.

Обиаружилось, что диссертации недостает одиого весьма важного изречеиия. И найти то изречение можно лишь в рукописи древиего философа Аврапатита.

Надобно вам зиать, что вышеупомянутый юиоша Игоръ Лазуркии больше всего в жизии любил Науку. Поэтому ои иезамедлительио и так быстро, как только возможно, направился к Храиителю Древиих Папирусов, дабы испросить рукопись.

В Храиилище встретил его убелеииый седииами Старец.

Выслушав горячую просьбу, Старец печальио покачал головой.

— Всем сердцем сочувствую тебе, о юноша, ио помочь, увы, не могу. Мечта каждого, кто трудится в этом Хранилище,—хоть краем глаза взгляиуть иа перл мудрости, коим является рукопись Аврапатита. Но достать ее—ие в силах человеческих. — Видя, как огорчил юиошу, Старец решил его ободрить. — Ступай к Самому Главиому Начальиику, может быть, ои тебе поможет.

И пошел юиоша Игорь Лазуркин к тому, иа кого указал ему Старец.

Долго дожидался приема, ио так как всё

на свете имеет конец, то и он предстал перед тем, кого ожидал.

Выслушал его Самый Главный Начальник и, нахмурив чело, так сказал:

— О юноша, я еще не видел человека, который удостоился держать в руках этот уникум. И даже не могу сказать — увижу ли, ибо достать его выше сил человеческих. — Видя, как поник головой юноша, и имея от природы доброе сердце, так закончил свою речь:

— Ступай в Наивысший Ученый Совет, может быть, он тебе поможет.

И пошел юноша Игорь Лазуркин в Наивысший Ученый Совет.

Прождав весьма длительное время, он услышал такой ответ:

— Нет у нас не только рукописи, но даже тени надежды достать ее в текущем веке.

О горе, горе! Муки ада терзали сердце юноши. Бесцельно бродил он по улицам города, и сам не смог бы сказать, как очутился в парикмахерской.

Брила ему бороду и стригла голову знакомая парикмахерша, сиявшая той юной красотой, тайну которой дано постичь лишь тем женщинам, коих давно покинула юность.

Душевные муки Лазуркина столь явственно проступали наружу, что парикмахерша спросила с нежностью, свойственной ее профессии:

— Что с вами, милый юноша? Что мучает вас так сильно?

Тронутый участием, излил он перед ней свою душу.

Молча выслушав и ничего не ответив, она

удалилась, оставив его одного. До его ушей доносился лишь ее голос — она говорила по телефону.

Вернувшись, она побрила своего клиента, остригла, водой пахучей окропила. И он уже намеревался покинуть сиденье, когда вошел человек и положил ношу свою на подзеркальник.

Если ты, о читатель, одарен свойством постигать мысли человеческие, ты сразу догадался, что́ это была за ноша. Мне же остается лишь подтвердить: да, это была рукопись Аврапатита.

— Ах, юноша, — улыбнулась парикмахерша, — вам надо было сразу обратиться ко мне...

ТВОРЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Вадим Никольский, молодой литератор, трепетно переступает порог кабинета.

— Извините... Здравствуйте... Мне режиссёра Аппетитова.

— Я Аппетитов, — отзывается, не меняя небрежной позы, дородный мужчина, похожий на лысеющего льва.

— Очень приятно... Мне сказали, что у вас мой сценарий...

— Название?

— «Любовь».

— А, — мужественные губы Аппетитова изгибаются в саркастической улыбке. Он вздыхает. — И когда вы, литераторы, перестанете писать на избитые темы? Ваш сюжет,

молодой человек, стар, как борода пророка, избит, как боксёр-дебютант. Дрянь, молодой человек! Низкопробная халтура! Глупо, бездарно, пошло! Типичное непонимание того, что требует современный кинематограф! К тому же полное незнание специфики кино! Нет, дорогой, экран голыми руками не возьмёшь!

— Я не думал голыми, — опускает глаза Никольский, — я старался. Если бы вы согласились помочь...

— М... Что ж, давайте попробуем. Но — предупреждаю! — камня на камне не оставлю от вашей стряпни! Всё, всё придётся изменить, перевернуть вверх тормашками! Все коллизии, все ситуации! Тему нужно углубить, идею прояснить, сюжет развить, поступки объяснить, чувства уточнить, движения душ осветить. Нужны эмоциональность, динамика, сложные ходы, неожиданные повороты! Одним словом — нужно создать новое, совершенно иное произведение! Я не пожалею труда, и мы выдадим такой сценарий, за который студии будут драться! Напомните-ка ваш сюжетик...

— Влюбленная пара... — волнуясь, выкладывает Никольский. — Он оказывается отрицательным, и она уходит к положительному.

— Так, понятно. Гм. Что, если так, так, так... Ага, вот оно! Да, именно так! Так и не иначе! Слушайте! Не она уходит от него, а он, он бросает ее! Да, да, да. Отрицательный до мозга костей, он безжалостно бросает это кроткое создание! Или — нет, не бросает! Положительный сам вырывает ее из цепких лап отрицательного! Это будет ново, свежо, небывало!

Вытерев трудовой пот, Аппетитов с размаху бросается в кресло. Но тут же вскакнвает!

— Не то! Тысячу раз ие то! Сюжет должен выглядеть так: оиа влюблеиа в положительиого, поимаете, в положнтельного! Но отрицательный, вскружив бедняжке голову, уводнт ее от этого положительиого! Следуют переживания, сомиеиия, раскаяиие. Все, конечио, крупиым планом! Для вас, лнтераторов, это простой звук, ио мы, владеющие спецнфнкой, знаем, что такое крупиый план! Наконец, осозиав ошнбку, оиа возвращается к положительному! Слышнте, молодой человек, — возвращается!

Обеими руками взъерошив бывшую львниую гриву, горячо продолжает.

— Или так. Оиа — существо чнстое, иевнниое, я бы сказал, целомудреииое — не в состояиии мнриться с отрицательиым, созерцать его черты, одинм словом — он ей протнвопоказаи. И оиа уходит... Это действие правомерио вытекает нз склада ее характера, иатуры, иеповторнмой иидивидуальиостн. Но оиа уходнт ие в абстрактиое инчто, нет! Оиа уходит к положительиому! Таким образом фильм утверждает торжество положнтельного над отрицательиым, и в этом утверждеиии его иоваторство! Ну, что скажете, молодой человек? — победоиосио подиимает голову Аппетитов. — Вот что зиачит искание плюс профессиоиалнзм! Надеюсь, не возражаете протнв такого вариаита?

— Не возражаю, — улыбнулся Никольскнй. — Это же мой сюжет.

— Ваш? Что ж, тем лучше. Давайте-ка

перепечатаем титульный лист. Могу, если хотите, поставить вашу фамилию первой. Ну вот, наш сценарий готов.

ТИПАЖ

Вот уж и в мыслях не имел, что случится со мной такое видоизменение!

Сижу в городском саду на скамейке. Мимо мужчина идет. Глянул и, вроде бы, про себя: «Вот это тип!» Мне не по себе стало: что такое, почему тип, за что?!

А мужчина уже обратно идет.

Я встал, чтобы уйти, а он меня за руку — цап!

В ресторане заказал для меня треску по-черноморски, себе — питье.

— Я, — говорит, — Олимпийский, режиссёр, слыхал?

— Не слыхал, — говорю.

— Загадочная, брат, штука — жизнь, все в ней смешано-перемешано. Попробуй в разнообразии лиц и племен поймать единственное, неповторимое, самобытное, понимаешь?

Я хотел ответить, что нет, не понимаю, да треска застряла, не провернешь.

Он опять:

— Сколько населенных пунктов обошел, объехал, облетел! Какую уймищу денег ухлопал! Ни один нормальный человек не поверит! И вот! — Он стукнул меня по лопаткам, я чуть костью не подавился. — Обнаружил, открыл! Вытянуть типаж из гущи, творить по принципу «Улица — экран» — вот путь к уда-

че! — Он снова стукнул меня по лопаткам, но я уже кость проглотил. — Будешь сниматься! В кино!

— Но у меня, — говорю, — это самое... вроде нет признаков. И зуба, вот, спереди, нету.

— Ерунда. И вообще не залезай в дебри. Завтра начнем.

Назавтра я стал сниматься в художественном фильме.

Вечером прибежал парень. Типажи мы с ним — две слезы из одного глаза!

— Будь другом, — просит, — уступи свою роль, я артист, ВГИК окончил, киноинститут, понимаешь?

Мне даже жалко его стало, киноинститут окончил... Ну, да не мое это дело — залезать в дебри.

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ

— Хорош рассказ, хорош, ничего не скажешь! — восторгался Редактор. — Правильно, так и надо — не взирая на лица! Истина превыше всего! Да, бывает, к сожалению, бывает: взберется наверх и, как кот — заелся и мышей не ловит, прямых своих обязанностей не выполняет. Есть еще слабости у людей, есть. И написал ты здорово, убедительно написал, вызывает у читателя соответствующую реакцию. Одним словом, не в бровь, а в глаз!

— В каком номере дадите, в этом или в следующем? — спросил довольный Автор.

— Дадим, дадим, обязательно дадим.

Только вот что: герой твоей сатиры начальник главка, так? Считаешь, он виноват? По-моему, если бы заместитель вовремя указал ему на ошибки, — ведь со стороны виднее, — тот бы, безусловно, их исправил. А? Как думаешь? Больше того, если бы он сделал это профилактически, в порядке предупреждения, тот бы вовсе их не допустил. Ты не думай, я не собираюсь стеснять твое творчество, втискивать его в какие-то рамки, я просто мыслю вслух. И делаю вывод: виноват заместитель! Но можно ли и с него требовать, чтобы за всем уследил, ведь это же главк — целый главк! — представляешь? Твое дело, конечно, согласиться со мной или не согласиться, я своего мнения не навязываю, я только иду по линии чистой логики. Итак, следует ли обрушиваться на этих двух лиц? Вряд ли, мой друг, вряд ли. Если хочешь знать, завотделами ближе к народу, к массе, ко всякого рода деталям. Вот кого ты должен бичевать в своей сатире! Да что завотделами! Рядовые сотрудники, технический персонал — вот кто знает учреждение до мельчайших винтиков. Поговори-ка с вахтером — он тебе такую философию выдаст, все по косточкам разберет, все дела, весь персональный состав. Вот про него и пиши, — знал, мол, да молчал! Это и будет та правда, в которой нуждается сатира! Сразу и тиснем.

Возмущенный Автор покинул редакцию.

Придя домой, он написал сатиру на вахтера

Я решил стать композитором. Почему композитором? Ну, мало ли. Одному хочется — маляром, другому — композитором. По потребности. И вообще это модно.

С чего я начал?

Систематически, ежедневно, чуть не ежечасно стал являться в Союз композиторов.

Вначале диалог обо мне был такой:

— Этот, нестриженый, он кто?

— А бес его знает, так, околачивается.

— Написал что-нибудь?

— Кой черт!

Через некоторый отрезок времени:

— Не знаете, кто это, вот, нестриженый?

— А! Написал, говорит, что-то такое.

— Не слыхали, ничего?

— Да нет, не слыхал.

А земля крутится, крутится...

— Смотрите, вот идёт этот, нестриженый. Вот, с председателем говорит. Они что, друзья?

— Видимо. И я с ним немного знаком. Говорит — ораторию заканчивает, кантату начал, над сюитой работает, ну и песни, само собой.

— М-да, а я, признаться, не знал.

— Отстаете от жизни. Нарождаются таланты, нарождаются, ничего не поделаешь.

Теперь уже можно было о других высказываться. И я высказывался. Доброжелательно. По-дружески.

Я уже состою в Союзе композиторов. Прав-

да, музыкальные планы пока не реализовал, поскольку вхожу в состав ряда комиссий и в наиважнейшую из них — по распределению средств музфонда. Но убежден: если возьмусь — моя симфония будет не хуже других, а может, и получше. В нашем деле главное — не робеть, смелость — города берет, а музыку и подавно!

ТЕКСТОВИК

Я сидел в сквере и читал книгу. Рядом со мной опустился на скамью мужчина спортивного типа.

— Поэзию читаете? — усмехнулся он. — Завидуете, небось: «Поэт, поэт»! Попробовали бы, что это такое!

— Ну, знаете, — улыбнулся я, —это дар...

— Дар, а как же! Тем более надо ценить! А я вот обращался и в Союз писателей, и в Союз композиторов насчёт творческой командировки. Отказали!

— Простите, — сказал я робко, — ваша фамилия...

— Шпиц!

— К сожалению, не знаком с вашим творчеством...

Он смерил меня высокомерным взглядом.

— Я текстовик. В прошлом году написал текст песни:

Снега, снега.
Опять снега,
Опять снега,
И вновь снега!

ПОЭТ

Не думайте, я понимаю: поэт — это не фунт изюму! И я, конечно, горжусь, что я — поэт!

Но что же делать, если нет-нет да и вспомню, как жил до того, как стал поэтом...

Я был завхозом свиносовхоза.

Эх, заколешь, бывало, кабанчика, осмалишь на костре под звездами, дым поднимается прямо в космос... А на заре, по первой по росе, по холмам да по долинам везешь его, голубчика, на базар...

М-да...

Но как-то, от нечего делать, составил стишок и получил письменное сообщение, что если полностью отдамся этому занятию, то может кое-что получиться.

Я рассчитался на работе и все силы бросил на составление стихов.

И теперь думаю: правильно ли сделал? Стоило ли менять профессию? Не вернуться ли на старую должность? Тем более, говорят — не всякий поэт может купить кабанчика...

СЦЕНАРИСТ

На днях написал сценарий.

И понес на киностудию.

— Вот, родил, можно сказать, кровью сердца.

Редактор посмотрел. Вид у него стал такой, будто его крутнули в стиральной машине без воды.

— А что, — спрашивает, — если заменить ваших героев другими, совершенно другими?

— Если заключите договор... И аванс дадите...

— Согласны, значит? Тогда знаете что? Напишите сценарий о коровах! Каракатицах! Племенных быках! Поросятах! Сухумских обезьянах! Черноморской камбале! Дальневосточных котиках! Лунных пустынях! А? Как? Согласны? — он стукнул кулаком по столу.— Кровью сердца!!

— Если, — говорю, — договор заключите... И аванс дадите...

ЦЕНА БЛАГОДУШИЯ

— Привет сатирикам! — шумно встретил меня редактор. — Что-нибудь новенькое?

— Да вот, рассказик...

— А ну, давай, давай!

Он взял рассказ, нетерпеливо глянул, по лицу пробежала тень, он поморщился.

— М-да. Про хулиганов. У нас, кажется, в прошлом году что-то такое про них было... Вспомнил! На четвертой странице, петитом, маленькая такая фитюлька, фактическая. — Он вдруг захохотал. — И что сотворили, подлецы, а! Прохожего в прорубь окунули, в моржа превратили! И не поленились прорубь прорубить, вот черти, а! Так что уже было про хулиганов, было, зачем же повторяться, верно? И потом, согласись, это не тема дня, не гвоздь, как говорится, сезона идёт, так сказать, на убыль, ну и оставим их в покое. И,

вообще, сам понимаешь, сатира должна неустанно искать новые объекты, новые мишени для своих стрел. Давай, братец, что-нибудь посовременнией, поактуальней, про сервис, сферу обслуживания и тому подобное, понял? Жду. Твори! — Он крепко, через стол, пожал мне руку.

На другой день я понес в редакцию новый рассказик, по-моему, довольно милый. В нем повествовалось о том, как жена перед Новым годом ушла в парикмахерскую, муж ждал-ждал, потом стал звонить, и она отвечала, что ее очередь одна тысяча сто семьдесят первая, и вернулась домой к следующему Новому году, и тогда он освоил вторую профессию — дамского мастера и сам причесывал жену.

Когда я вошел в редакцию, меня встретил арктический холод. Никто на меня не взглянул, не поднял от стола головы.

— Женечка... — неуверенно спросил я секретаршу. — Что... случилось?

Она так вздохнула, что на столе зашевелились бумажки.

— Они... они... — голос прерывался от горя. — Они окунули его в прорубь!

— Кто окунул? Кого!

— Хулиганы! Редактора!

ВЕЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК

Я подошёл к прилавку и невольно улыбнулся. Не продавщица — фея, чистая фея! Какой доброжелательный взгляд! Да у такой

купишь не только то, что нужно, но даже то, что не нужно!

— Будьте добры, девушка, — доверительно сказал я, — мне бы подарок даме, ко дню рождения...

Фея понимающе улыбнулась.

— Пожалуйста. Можно блузку. Смотрите, какая прелесть! — Легчайшие пушинки легли на прилавок. — Изумительная отделка, не правда ли? Жабо теперь модно. Или зонтик возьмите. — Цветные грибки раскрывались над милой головкой. — Как?

— Бесподобно! — искренне восхитился я.

— Вазу можно. — Фея поворачивала изделие, ослепляя мириадами раздробленных солнц. — Так что вы берёте?

— Всё беру, всё! — Я устремился к кассе.

— Минуточку,— улыбнулась фея,— а вы не хотите прийти в такой день в новом галстуке? По-моему, этот вам подойдёт.— Она указала на манекен рядом с собой и подала мне такой же галстук, какой был на нем. — Возьмёте?

— Да, да, конечно, благодарю вас!

Когда я вернулся от кассы, меня ждали изящный пакет и приветливая улыбка.

— Всего доброго. Вам и вашей даме...

— Благодарю вас. До свидания.

Счастливый, я пошёл к выходу.

На следующий день я снова зашел в магазин. Хотя предмет, который я намеревался купить, был в ближайших торговых точках, я не поленился сделать крюк ради феи.

Фея была на месте.

— Девушка... — улыбнулся я по-вчерашнему.

Никакой реакции. Стопроцентиая отрешёиность от дела, которому оиа служит.

— Простите, девушка...

— Ну чего?

— У вас есть...

— Смотрите сами, что есть — всё выставлено!

Это была фея, похожая иа других.

На диях я был в киио. И в киножуриале увидел свою первую встречу с феей. Оказывается, оператор сиимал скрытой (для меия) камерой.

ШЕВЕЛЕНИЕ ЭФИРА

Я включила радио. И услышала голоса, улыбчивые и доверительиые.

— Дорогие друзья! Мы с Вадимом Сергеевичем сейчас объявим о коицерте, который иесомиеиио, доставит вам удовольствие, ие правда ли, Вадим Сергеевич?

— Безусловио, Алла Матвеевиа, безусловио.

— А как вы считаете, Вадим Сергеевич, с чего лучше иачать иаше сообщение?

— Я считаю, Алла Матвеевиа, мы должиы иачать его с того, с чего вы считаете лучше его начать.

— Спасибо, Вадим Сергеевич, вы очеиь, очеиь любезиы. Итак, друзья, мы с Вадимом Сергеевичем приступаем к сообщеиию, которое, как мы уже говорили, доставит вам большое удовольствие. Пожалуйста, Вадим Сергеевич.

— Ну, иет, Алла Матвеевиа, предоставляю

слово вам как представительнице прекрасного пола. Ведь известно, что никто другой как женщина украшает жизнь...

— О! Ну, хорошо. Так вот, дорогие друзья...

— Минуточку, Алла Матвеевна, минуточку. Ведь тот, кто нам нужен, присутствует здесь, на студии, так не проще ли будет, если он сам представится нашим дорогим друзьям?

— Вы правы, Вадим Сергеевич, но, пожалуйста, разрешите это сделать мне...

— Как хотите, Алла Матвеевна, как хотите.

— Спасибо, Вадим Сергеевич, вы очень, очень любезны. Итак, дорогие друзья... Ох, я даже немного волнуюсь...

— Я вам сочувствую, Алла Матвеевна, сочувствую. Ну, смелее, смелее!

— Итак! Начинаем концерт популярного эстрадного артиста Леонарда Монтажкина!

НАСЛЕДНИКИ

Вдовец Иван Петрович Желтиков нашел себе наконец жену по сердцу. Все было бы преотлично, но одно обстоятельство омрачало счастье: у жены была прекрасная квартира! И у Ивана Петровича была прекрасная квартира. Конечно, можно было бы обменять две на одну, но получится гиперболическая площадь. И Иван Петрович ломал голову: кому оставить квартиру?

— Ведь ты можешь сдать ее, Ванюша...— робко сказала жена.

— Кому сдать? — не понял Иван Петрович.

— Ну, тем, кто тебе ее дал: государству, горсовету...

Иван Петрович посмотрел на нее так, будто она подала ему на завтрак маринованную змею.

— Как это — сдать? Ни с того ни с сего прийти и сказать: нате, возьмите свою квартиру? Это же курам на смех!

После мучительных раздумий он все-таки нашел наследника!

— Валерий совершеннолетний?! — спросил он, прибежав к родственникам, Марье Ивановне и Семену Семенычу.

— А что? — спросили Марья Ивановна и Семен Семеныч.

— Пускай занимает мою квартиру! Я выпишусь, а он унаследует!

Валерий унаследовал квартиру. Чертовски надоедало, живя у родителей, бегать в свою квартиру, хлопать дверьми, шуметь, включать транзистор, имитируя своё в ней обитание. Но ничего не поделаешь, квартира есть квартира!

В один прекрасный день Валерий женился. И, как назло, у жены оказалась квартира!

— Вот что, дорогой, — сказала новобрачная, — я не желаю жить на двух квартирах.

Валерий перешел к жене.

— Он с ума сошел! — схватился за голову Иван Петрович. — А квартира, квартира?!

— Ванюша.. — начала было жена.

— Отстань!

После мучительный раздумий он снова нашел выход!

— Бабушка! Она, правда, живет далеко и имеет собственный дом, но это неважно. Приедет и унаследует квартиру!

Бабушка приехала и унаследовала квартиру.

Но, ожидая со дня на день ее ухода в мир, где уже не нужны квартиры, Иван Петрович, после мучительных раздумий, сам унаследовал квартиру: развелся с женой и вернулся к себе.

Квартира есть квартира!

БОРЦЫ

Пельменная. Гардины с небывалыми цветами, волнующий аромат.

Входят Федя и Вася.

— Две порции,— протягивает деньги Вася.

— Мелочь! — коротко, как выстрел, доносится из-за кассы. Похоже, что звук исходит из ящика.

— Тогда мы ещё возьмём яйца, — кивает на витрину Вася.

— Крутые!

— Мы с Федей не любим крутые...— мнется Вася.

— Не любите, не берите! Следующий!

— Но вы нас ещё не обслужили! — восклицает Вася.

— Не мешайте работать!

Цветы на гардинах как-то сразу блекнут.

Но тут вмешивается Федя.

— Сбегай, Вася, разменяй деньги. А я им покажу! Жалобную книгу!

— Продрай их с песочком, Федя.

— Будь уверен!

Брошенная энергичной рукой, книга как бы сама собой вылетает из-за кассы.

Усевшись за стол, Федя вынимает ручку-самописку...

Но тут вбегает Вася:

— Разменял!

Блаженно улыбаясь, друзья поглощают пельмени. Покончив с этим делом, замечают лежащую на уголке стола книгу.

— Вась...— косится на книгу Федя.

— Чего?

— Напишем?

— Про что?

— Про всё. Надо же бороться!

— Надо! Пиши давай!

Федя нехотя достает из кармана ручку.

— Вась...

— Чего?

— Писать?

— А как же, обязательно!

— А, может, черт с ними, а, Вась?

— И то правда, ну их! А пельмени вкусные... — улыбается Вася.

— Вкусные, — соглашается Федя. — Написать?

— Валяй!

Благодарность... — пишет Федя.

МЕТАМОРФОЗЫ

Привычный строй жизни в квартире был таков: первой в кухне появлялась Тома — приходила мыть руки. Лицо Тома не мыла, чтобы

в будущем не было морщин. Этот чудодейственный совет дали подружки по ресторану, где она работала. Впрочем, мужская часть населения — мужья соседок Анны Семеновны и Анны Михайловны — все равно считали Тому хорошенькой. Естественно, что обе женщины не испытывали к юной официантке особой симпатии, не находили нужным это скрывать, а цвет ее лица откровенно сравнивали с прошлогодним лимоном.

Так что домашнюю жизнь Томы нельзя было назвать райской.

Но...

В привычный строй жизни вошло новое лицо: молодой жилец занял комнату старушки, уехавшей к своим детям. Это был скромный юноша в мелкоклетчатом пиджаке и больших очках. Двигался он бесшумно, всем видом желая показать, что никого ни в чем не хочет ущемить. Фамилия его была Вельветов.

Возможно, его пребывание в квартире осталось бы неощутимым, если бы...

Однажды... Ах, эти «однажды» и «вдруг»!.. Но что поделаешь, если поворотные события в жизни личности начинаются однажды и даже вдруг!

Так вот однажды, или, скажем, в одно ничем не примечательное утро муж Анны Семеновны и муж Анны Михайловны, открыв газету, приблизили ее к глазам, отдалили и вновь приблизили... Под фельетоном-подвалом стояла фамилия автора — Вельветов!

Так вот он кто, их новый жилец! Фельетонист! Кто бы подумал? Такой тихоня, такой скромняга...

Стоит ли говорить, что это потрясающее обстоятельство повернуло квартирные традиции на 180 градусов! Моментально найдя общий язык, Анна Семеновна и Анна Михайловна изъяснялись на нем сперва в присутствии Вельветова, потом, по инерции, и без него. Все вопросы, по поводу которых их мнения были диаметрально противоположны и аргументы каждой стороны слышны были далеко за пределами кухни, теперь разрешались мирным образом, в духе полного взаимопонимания.

Муж Анны Семеновны и муж Анны Михайловны учтивейше здоровались с новым жильцом, и при каждом удобном и неудобном случае заводили разговор о важности прессы для человечества.

Но все это было делом второстепенным.

Первостепенным было нечто совсем другое...

Однажды... Ну да, однажды, услышав слабый скрежет вельветовского ключа, Анна Семеновна и Анна Михайловна выскочили в прихожую — засвидетельствовать свое почтение представителю печатного слова. И вдруг!.. Вошла Тома, а за ней, вежливо пропустив вперед, Вельветов.

Анна Семеновна и Анна Михайловна многозначительно переглянулись.

— Ах, Томочка! Прелестная погода, не правда ли? — улыбнулась Анна Семеновна.

— Настоящая весенняя температура! — улыбнулась Анна Михайловна.

Утром на кухне Тому поджидали две милые, обаятельные женщины.

— Какой у тебя прекрасный цвет лица! —

воскликнула Анна Семеновна и позвала мужа. — Какая милашка наша Томочка.

— Великая сила — слово! — сказал муж Анны Семеновны.

— Ты сегодня очаровательна! — воскликнула Анна Михайловна и позвала мужа. — Посмотри на нашу Томочку! Я всегда считала, что в ней что-то есть... Иначе разве на нее обратил бы внимание фельетонист... Теперь он будет с ней советоваться!

— Пресса — это все! — сказал муж Анны Михайловны.

Жизнь Томы в квартире уже можно было сравнить с райской.

Но...

Однажды Тома пришла домой одна, без Вельветова. Из ее комнаты слышалось что-то похожее на сдавленный плач.

— Я этого ожидала! — усмехнулась Анна Семеновна. — Тома и фельетонист! Анекдот!

— А я так знала наверняка! — усмехнулась Анна Михайловна. — С ее цветом лица!

Утром на кухне Тома не увидела лиц Анны Семеновны и Анны Михайловны. Только спины. Словно никакой Томы в природе не существовало.

Но...

Однажды Тома пришла вместе с Вельветовым.

— Какой у тебя прекрасный цвет лица! — воскликнула Анна Семеновна.

— Ты сегодня очаровательна! — воскликнула Анна Михайловна.

— Великая сила — слово! — сказал муж Анны Семеновны.

— Пресса — это все! — сказал муж Анны Михайловны.

— Знаете, они просто однофамильцы! — улыбнулась сияющая счастьем Тома. — Володя работает в пуговичной артели.

В тот же миг она поняла, что изгнала из рая и себя, и Вельветова.

ПЕЧКА, ИЛИ РОМАН В ЗАЯВЛЕНИЯХ

Переставляя в комнате мебель, Гопак Степанида Ивановна задела печку, в результате чего один кирпич выпал. Оставив мебель в покое, Степанида Ивановна побежала на почту. Вернувшись с бумагой и конвертами, села за стол и, смахнув с клеенки хлебные крошки, принялась писать:

Домоуправу

Заявление

В вверенной вам коммунальной квартире, в каковой я являюсь жильцом, развалилась печка. Прошу срочно отремонтировать. Ожидаю ответ.

Гопак Степанида Ивановна.

Потом взяла другую бумажку.

Председателю горжилуправления

Заявление

В вверенной вам коммунальной квартире, в каковой я являюсь жильцом, развалилась

печка. Я подала заявление домоуправу, но он скажет самой произвести ремонт. А я женщина одинокая и заступиться за меня некому и должна прозябать в холодной квартире. Прошу заставить домоуправа срочно выполнить свои обязанности. Ожидаю ответ.

Гопак Степанида Ивановна.

Потом взяла третью бумажку.

Председателю горсовета

Заявление

В вверенной вам квартире, в каковой я являюсь жильцом, развалилась печка. Я подала заявление домоуправу, а также председателю горжилуправления, но они не принимают никаких мер для облегчения моего положения. Прошу заставить их срочно выполнить свои обязанности. Ожидаю ответ.

Гопак Степанида Ивановна.

Потом взяла еще одну бумажку.

В Верховный Совет СССР

Заявление

Дорогие наши руководители! Я человек с сознанием и сознаю, что вы люди занятые, но человека в беде не оставите. А я попала в беду, у меня развалилась печка, и я безжалостно мерзну, почему и обращаюсь с просьбой срочно нажать на местную власть, чтобы она повернулась лицом к трудящимся и обратила на

меня внимание, чтобы я могла, как и прочие советские граждане-жильцы, отапливаться и обогреваться, а то на дворе июль месяц, но придет зима, а печка стоит неотремонтированная и без кирпича. Ожидаю ответ.

Гопак Степанида Ивановна.

Надписав адреса, Степанида Ивановна побежала на почту и опустила письма в ящик.

ОБЫКНОВЕННЫЙ БОЛТУН

— Будьте любезны, — обратился я к прохожему, — где-то здесь помещается собес...

Он с готовностью остановился, глаза его блеснули, словно он получил неожиданный подарок.

— Собес? Вам, значит, нужен собес?

— Да, да, пожалуйста, будьте добры...

— Сию минуту покажу вам собес, сию секунду! Вы, наверно, пенсию оформляете?

— Да, пора, знаете. Так, пожалуйста...

— Да, да, сейчас. У вас все готово, все материалы, все документы?

— Все готово. Я все время на одном месте работаю, так что...

— Конечно, конечно, раз на одном месте. А кем работаете, если можно...

— По счетной части.

— А, понятно, понятно, неплохая работа, если все сходится, всякие там дебеты-кредиты, а если нет — тут уж хуже не придумаешь! Ищи какую-то копейку, будь она неладна! У меня есть знакомый бухгалтер...

— Простите, так где...

— Сию минуту покажу, сию секунду! Так о чем я говорил? Ага, да! Я потому интересуюсь, что тоже с этим делом вожусь, с пенсией то есть. Сидит там, в собесе, одна особа. Как войдете, налево возьмёте, так она за правой дверью и сидит. Нет, за левой, простите, за левой! Или за правой? Забыл. Вот склероз! Пенсии еще нет, а склероз уже есть, хе-хе. А у вас как со склерозом? Говорят...

— Извините, я тороплюсь...

— Понимаю, понимаю, как же, все теперь торопятся, сию минуту покажу, сию секунду! Так о чем мы говорили? Ага, да! Справа она сидит или слева, вы ее сразу узнаете! Каким образом? Очень просто. Читали в детстве про ведьм? Вот она ведьма и есть. Форменная! Вы только послушайте, это же цирк «Шапито»! Что? Одну минуточку, в двух словах. Не пожалеете! Прихожу, показываю справки—я их давно собираю, потому, не в пример вам, я работал в очень, очень многих местах... Что, вам некогда? Понимаю, понимаю, сейчас покажу, сейчас. И ни пуха вам, как говорится, ни пера, ха-ха-ха! Знаете, почему я смеюсь? Я как-то собрался на охоту. Так тоже — пожелали ни пуха ни пера, и я вернулся и без пуха, и без пера. Потом на рыбу переключился, хотя, поверьте мне, лучше купить в Гастрономе или «Полуфабрикатах». Говорят — полезно от нервов. А по-моему, чистая нервотрепка, особенно если у соседа клюет, а над тобой чистое издевательство. Сидишь как на углях, ждешь, не дышишь, а вытащишь какую-нибудь несъедобную тварь! Но не в этом дело, я хотел про за-

ведующего рассказать, собесом... Мы, видите ли, по соседству живем, через один квартал, так его жена...

— Так вы уж, пожалуйста, покажите мне...

— Пожалуйста! Сию секунду! — Он взглянул на часы. — Ай-ай-ай, какая жалость!

— Что такое?

— Опоздали! Прием в собесе окончен!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Макар Сергеевич шел по улице в том радужном состоянии, когда хочется осчастливить все человечество или хотя бы одного его представителя. Вскоре представилась такая возможность: с ним поравнялась нагруженная вещами молодая женщина. Зажав под мышкой сумочку, одной рукой несла чемодан, другой — разбухшую авоську.

— Разрешите, помогу, — Макар Сергеевич взялся за чемодан. — И авоську пожалуйте, — улыбнулся он лучезарно.

— Как хорошо, что вы попались, — радовалась, идя за своим добровольным носильщиком, женщина. — Совсем руки оттянули. Мне на тот берег. Пожалуйста, если можно...

— Конечно, пожалуйста, — с готовностью ответил Макар Сергеевич.

На берегу не оказалось лодочника.

Женщина нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

— И куда он запропастился? Скоро вечер, а мне до зарезу надо на тот берег!

— Могу перевезти, — галантно предложил Макар Сергеевич. — Лодка-то есть.

— Правда?

— Конечно, пожалуйста, чего ж...

Макар Сергеевич добросовестно налегал на весла.

Утопая, купалось в реке закатное солнце... А вот и противоположный берег.

— Сколько вам? — деловито спросила, открыв сумочку, женщина.

— Нисколько, — улыбнулся растроганный речной красотой Макар Сергеевич.

— Как? Зачем же вы...

— Помог вам? Да так просто.

— Ну, знаете, так просто ничего не делается!

— Но почему же...

— Я вас спрашиваю: сколько?!

— Да что вы, я, право же, абсолютно бескорыстно...

— Бросьте, так я и поверила! Ах, вы, наверно, рассчитывали... Негодяй!

Краски сразу поблекли.

СОВРЕМЕННОСТЬ

— Мамочка, я выхожу замуж!

— Что?! За кого, где он работает?!

— В колхозе, мамочка.

— В колхозе?! Этого еще не хватало! Чтобы моя дочь...

— Я его люблю...

— Оставь! У тебя образование! Техникум кончила!

— Но, послушай, мама...

— Нет, нет и нет! Тысячу раз нет!

— Мама, прошу тебя, поговорим спокойно.

— Спокойно! Это мне нравится! Довела до белого каления... Хорошо. Я спокойна. Предположим, что я спокойна. Ну?

— За кого бы ты хотела, чтобы я вышла замуж?

— Я хотела бы, чтобы он окончил институт.

— Он окончил институт.

— Подумаешь, институт! Если бы он окончил эту, как её...

— Аспирантуру?

— Ну да!

— Он окончил аспирантуру.

— Большое дело! Если бы он окончил эту, модная такая...

— Диссертация?

— Её!

— Он защитил диссертацию.

— И он этот, как называется...

— Да, он кандидат наук.

— Почему же ты сказала, что он работает в колхозе?

— Он работает в колхозе.

— Колхозник и эти... Ты что, считаешь меня сумасшедшей?

— Ах, мама, ты просто далека от современности.

— Я далека от современности, я?! У меня телевизор, пылесос, стиральная машина, магнитофон! Вся цивилизация в моих руках, как же ты смеешь говорить, что я далека от современности?!

Ученый мир был потрясен! Работа диссертанта не просто подтверждала известные истины. Это было открытие! И не какого-нибудь нового вида беспозвоночных, а в области, над которой давно билась наука! Оно должно было осчастливить человечество, а имя молодого ученого сделать бессмертным!

Мне безумно хотелось попасть на собрание ученых города, где обсуждалось это открытие. Но, увы, это оказалось несбыточной мечтой для простой смертной.

И вдруг я узнала, что моя знакомая была на этом высоком собрании. Она всегда бывала на всех высоких собраниях.

Я немедленно помчалась к ней.

— Как я вам завидую! — вырвалось у меня. — Милая, дорогая, расскажите, скорей расскажите об этом необычайном открытии!

— О, это было замечательно! Там, конечно, были все жрецы и жрицы науки. На одной даме была такая брошь! Семиугольная! В жизни не видала, а вы? А на другой — платье абсолютно немнущееся, ну, ни единой складочки, вот это, понимаю, материал! После собрания — ужин. И, знаете, что подавали? Ни за что не угадаете! Яйцо в сметане! Вернее — сметана в яйце, внутри, понимаете? Необыкновенно, правда? И я узнала, как это делается! Берется яйцо...

— Нет, нет, сначала, пожалуйста, про собрание!

— Ну, что собраиие? Жара, много людей, и я, признаться, больше в буфете была, так что инчего толком ие слышала. А яйцо делается так...

ОБОЖАТЕЛЬНИЦА МУЗЫКИ

— Ах, пусть ваша Людочка что-инбудь сыграет, — попроснла иаша гостья. — Обожаю музыку!

Людочка села за пиаииио. Она очеиь старалась.

— Нет, что нн говорнте, — возмущалась гостья, — а эта ваша знакомая — порядочиая нахалка! Явнлась в магазнн, увндела меня и шепчет: «Я перед вамн, скажите — я перед вамн...» Нет, как вы это находнте! Я пришла, заняла очередь, а она: «Я перед вамн!» Бывают же такне люди!

Замер последиий аккорд...

— Вам понравнлось? — взволноваино спросила Люда.

— Что?

— То, что я нграла...

— А! Да, да, бесподобно. Пожалуйста, играй еще, деточка. Обожаю музыку!

Людочка заиграла.

— Вы в этом году будете делать закрутку? — продолжала гостья. — Вы ие слышалн, редьку не закручивают? Витамииы! Ведь это в жизин — всё! Между прочим, узориую шерсть в магазние вндели? В ёлочку. По-моему, лучше бы в сосеику, как-то пышиее. Кста-

ти, где вы в этом году собираетесь отдыхать? Я достала путёвку в паисиоиат, но он, представьте, в лесу, а что за радость в каких-то дебрях? Умрёшь со скуки. Открыли бы курорт иа какой-ибудь плаиете, вот это да!

Замер последний аккорд...

— Правда, прелестная мелодия? — сказала Люда.

— Что? А, да, да. Обожаю музыку!

КТО ТАКОЙ РАФАЭЛЬ?

Мама причесывалась перед зеркалом. Это было очень трудио: прическа высокая и приходится долго держать рукн вверх.

Прнмостнвшнсь в уголке днвана, Лена разглядывала в журнале викторииу.

— Кто такой Рафаэль?.. — шептала оиа и хмурилась: кто же ои такой? — Мамочка, извиии, пожалуйста, кто такой Рафаэль?

— Рафаэль? — переспросила мама, ие отрываясь от дела. — Ты же зиаешь его: иаш сосед, часовой мастер, стареиький, седой.

— А зачем про него спрашивать?

— А это уж спроси того, кто составнл викториоу!

— Кто такой гусар?.. — сиова зашептала Леиа. — Гу-сар...

— Ну, это и первоклассиик знает, а ты уже в третнй ходншь, — упрекнула мама. — Гусар — человек, который пасет гусей. Запомии, пожалуйста.

— Запомию. Тут еще: кто такой аспирант?..

— Не аспирант, а оспирант, — поправила мама. — Человек, который прививает оспу.

— А вот и нет! — неожиданно запротестовала Лена. — Оспу прививает медсестра!

— А мне прививал мужчина. Так он, по-твоему, медсестра, да? — насмешливо спросила мама. И вообще, — она резко повернулась к дочке, — раз мама говорит, значит — так и есть. Когда я тебя, наконец, воспитаю!

РОДСТВЕННАЯ ДУША

Он не шел и даже не бежал. Он летел! На крыльях духа! И как это люди проходят мимо, не обращая внимания на его руки, зажавшие свою мечту! Ведь это его стихи, его первые стихи! Еще пахнущие типографской краской! Скорей домой, скорей, а то не выдержит, бросится к первому встречному: «Смотрите, мои стихи!»

И вдруг он увидел ее! После стольких лет разлуки! После того, как похоронил свою любовь... Она отдала сердце другому, процветавшему в системе промкооперации. Но никогда не поздно исправить роковую ошибку...

Они сели в тень какого-то душистого растения. И он говорил, говорил, говорил... О горении, о бессонных ночах, о словах, подобных музыке, о счастье и муках вдохновения. И все это вот в нежно-сиреневой, похожей на южные сумерки книжечке...

Она благоговейно взяла книжку из его рук, задержала задумчивый взгляд на последней

страиице. И долго сидела, думая о чем-то сосредоточеино и строго.

А он смотрел иа ее лицо с восторгом и сожалением. С восторгом оттого, что оиа глубоко чувствует поэзию. С сожалением, что потерял родствениую душу. И с надеждой...

— Дорогая...

— Сейчас...

Но вот оиа вериулась из своего далека. И восторженно иазвала сумму!

— Я помножила тираж иа стоимость, правильно?

ТЕРНИИ СЛАВЫ

Я мирио шел с моим знакомым. Вдруг он испуганно заметался...

— Что с вами? — удержал я его.

— Она! Она! Пустите!

Но было уже поздио. Подбежав, старушка мертвой хваткой вцепилась в моего знакомого.

— А я была у вас! — заулыбалась она. — Это просто счастье, что я вас встретила! Приесла вам материальчик! Пальчики оближете! — Оиа вытащила из сумки бумажку. — Вот! Там все описаио! Поиимаете, у меня сад — два дерева и одии куст, а у соседа сад — два куста и одио дерево. А ои говорит, что у иего два дерева и одии куст, в то время как у иего два куста и одно дерево, а одии куст и два дерева у меня. А он говорит... Ну вы же зиаете, что ои говорит и что я говорю, и в бумажке все описаио подробио. Вы долж-

ны написать на него сатиру! Он хочет чужую собственность сделать своей собственностью, а свою собственность переложить на другого! Уничтожьте его своим сарказмом. Уничтожите? — Она вытащила другую бумажку. — А вот еще материальчик. Слушайте внимательно. Нет, нет, слушайте, слушайте! Я состою в собачьей секции, так? И Панихидов, — вы его знаете? противный такой, с палкой, — тоже состоит. И вот он утверждает, будто моя Тяпа — полукровка! Как у него язык поворачивается такое говорить! Тяпа — и вдруг полукровка! В таком случае он сам полукровка, этот гнусный Панихидов! Вы должны подчеркнуть это в своей сатире! Все в нашем дворе вам подтвердят, что Тяпа — чистокровнейшая такса! Дайте мне слово, что сегодня же напишите на него фельетон! Сожгите его огнем своей сатиры! А вот еще материал. Это я вам так скажу, наизусть, а вы сами приукрасите. Про «Зелентрест». Они оформили в парке дерево под слона, подстригли, понимаете, для деток. Теперь уши у слона пожелтели, а они не обращают внимания! Разве так можно? Где же забота о детках? Вы должны так написать, чтобы этому тресту каждую ночь слоны снились! Что с вами, вам плохо? Но у меня еще материал! Куда вы? Стойте!..

Мы побежали!

— Зачем я это сделал, зачем? — застонал мой знакомый, когда мы очутились в недосягаемом для старушки месте и сели на скамью передохнуть. — Понимаете, однажды я заметил довольно типичное и не весьма похвальное явление и написал маленькую сатиру. Понес

в редакцию, там согласились и напечатали. Старушка узнала мой адрес и... — Он вскочил. — Вот она, вот!..

РАДЕТЕЛЬ

Он поднял трубку.

— Олег Гаврилыч? Здорово. Николай Иваныч беспокоит. Как жизнь? Жена, детишки? Ничего? Ну, слава богу, передавай привет. Мои тоже ничего, спасибо. Олег Гаврилыч, у тебя, я слышал, сотрудник уходит? Ушёл? Никого ещё не взял? Почему интересуюсь? Я? Нет, хе-хе, пока в шею не гонят, план даём. Олег Гаврилыч! Тут, понимаешь, человек один, считаю — вполне для тебя подходит Дисциплина — на пять, исполнительный — расшибётся, а сделает! Взысканий? Ни-ни, никаких, ни единого пятнышка, анкета первый сорт. Ты ж меня знаешь, своим свинью не подложу, раз рекомендую — значит, подходящий, возьмёшь — не пожалеешь, только спасибо скажешь. Что? Знаком ли с вашей отраслью? Вот этого я, правда, не знаю...

ПРИЯТЕЛИ

Теперь некоторые пословицу про друзей наоборот переделывают. Мол, не имей сто друзей, а имей сто рублей. Я против. У меня, знаете, сколько друзей-приятелей? Не сочтёшь. Зелякина, Ивана Ивановича знаете? Пасека у него большая. Такой, братцы, медок

собирает... Объедение! Вот он и есть мой первейший приятель. Каждый выходной навещаю. Приду — сразу медку, с сотами. Сидишь, не спеша посасываешь, водичкой студёной запиваешь. Иван Иваныч и ледку из столовой притащит. Хоть и далековато ему туда идти, но раз приятель просит.

Ещё приятель у меня, Степаном Васильевичем звать. У того клубничка. Такая, скажу вам, клубничка! Большущая, сладкая, во рту тает сама, безо всякого усилия. А пахнет, пахнет! Как клубничка эта самая поспеет — так я в гости. Приятель, ничего не поделаешь, не приду — обидится.

У Семёна Даниловича, Сарыкин по фамилии, ничего такого не произрастает. Зато рыболов! День и ночь у речки пропадает. У него я ушицей балуюсь, и копчёнкой тоже, и жареной. Захочется рыбки — я прямо к Сарыкину. Хороший, одним словом, приятель.

У меня и среди женского пола приятельницы имеются. Больше со старушками дружу, преклонного, так сказать, возраста. Скучают на пенсии и рады человеку. На радостях и вареньем угостят, и наливкой, а то и чем покрепче, хе-хе. У них я и взаймы перехватываю и с отдачей не тороплюсь, им не к спеху.

Так-то, мои дорогие. Дружить с людьми надо.

СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Столбик, резвясь, скакал вверх: термометр показывал тридцать градусов выше нуля. Я ввалилась в автобус в полном изнеможении.

После длительного говорения язык, что называется, прилип к гортани.

Мой сосед по скамье чем-то походил на ртутный шарик. Он вскакивал, задирал голову, вертел шеей. Вдруг он повернулся ко мне.

— Отдыхающая?

— Местная.

— Работаете, кем?

— Экскурсоводом.

— Да, работа, так сказать, не совсем райская, жара, а ходить надо, говорить надо. У вас усталый вид, сочувствую. Простите, один вопросик. До Ай-Петри далеко?

Я ответила.

— Хочу подняться, встретить восход солнца! А? Здорово? Как по-вашему, стоит?

Я ответила, что стоит.

— А что означает Ай-Петри?

Я ответила.

— Тогда Ай-Тодор, Ай-Даниль, Ай-Василь то же самое?

Я ответила.

— А это что за дворец, вот, с куполами?

Я ответила.

— А русалка где? Кто автор? Расскажите легенду, сокращённо!

Я рассказала.

— А в пещерке можно устроиться? Хочу облюбовать, на недельку! А? Здорово? А ресторан «Красный камень» на какой высоте?

Я ответила.

— А какое вино самое лучшее? Расскажите про Ласточкино гнездо, как звали возлюбленную? А массандровские вина получили много медалей? А Уч-Кош это что? А...

Вопросы, как камешки, били по моей разморенной зноем голове. До города было далеко, но едва автобус затормозил, я ринулась к двери...

— А Большой Каньон?! — кричал он в окно. — Большой Каньон?!

НАШ БЛИЖНИЙ

В город приехал цирк, и Федор Васильевич решил осчастливить свое семейство — жену и сынишку Вовку.

Он шел за билетами, когда его окликнул сослуживец.

— Мурашкин, Федор Васильевич! Читал приказ?

— Какой приказ, о чем?

— В самом деле не читал?

— Да нет же!

— Гм. И с чего бы это тебя? А?

— Кто его знает, — небрежно ответил Мурашкин, хотя почувствовал неприятное колотье в правом подреберье.

Сослуживец ушел.

У Мурашкина вдруг пропал интерес к цирку. Ну, что там особенного? Слоны, тюлени, акробаты... Они с женой все это видели-перевидели, а Вовке одно баловство.

Дома он так и сказал Вовке, и тот поднял рев на всю квартиру.

Пирог, который жена испекла по его просьбе, удался на славу. Но Федор Васильевич ел так неохотно, что жена рассердилась:

— Нарочно мне на нервы действуешь!

Дав Вовке ремня, а жеие иаговорив всякой всячнны, Мурашкин лег на диван и, заткиув ушн, чтобы не слышать рева н упреков, стал думать о прнказе. Досконально припомннл текущнй день, вчерашннй, позавчерашиий. Ннчего. Ннкакого промаха. Но это ему так кажется, а иачальству вндиеи.

А под ложечкой ныло, под ребром покалывало, голова от дум трещала... Хоть бы до утра дотяиуть!

Дождавшись, наконец, рассвета, Мурашкии вышел нз дому и зашагал к конторе.

В прнхожей, на доске объявленнй, висел прнказ. Его, Мурашкина Федора Васильевича, премировали за хорошую работу.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Вызывает меия предместкома н без обиняков протягнвает путевку.

— Пляши, Авраамов! Путевка! Туристская! По горным маршрутам!

— Но мне ...десят с гаком...

— Еруида! Берн и езжай!

Я взял и поехал.

Турбаза помещалась не на вершнне Казбека, а чуть поииже.

Еле отдышался. На турбазе обрадовали:

— Через трн мннуты выступаем!

Через одну мннуту на моей спнне был горб из одеяла, термоса, пайка н скалолазиой веревки. Я затянул частушки и вместе с юиыми гераклами двииулся встречать восход солнца на высоте ие помию скольких километров.

Но тут разыгрался мой ревматизм... Дистанция между мной и ими катастрофически удлинилась!

Но я не растерялся. Вынул змеиный яд, натерся и побежал догонять!

Только догнал, разыгрался мой ишиас-радикулит...

Я опять не растерялся. Вылил чай из термоса в грелку, привязал скалолазной веревкой и побежал догонять!

Ура, горный ручей! Гоп-ля, прыгаем!

Но тут разыгралась моя гипертония... И я приземлился на донышко безо всякого парашюта...

Коллеги извлекли меня, обсушили возле костра, обложили камнями, чтобы не сдуло ветром, дали чеснок от насморка и понесли на турбазу, где я и пролежал до окончания срока путевки.

В другой раз мне тоже дали путевку. И тоже так:

— Пляши, Авраамов! Путевка! В язвенный санаторий!

— Так у меня пока нет ее, язвы...

— Чепуха! Бери и езжай!

Я взял и поехал.

Доктор попался старенький, сухонький, голову этак набок держит, будто норовит получше тебя рассмотреть.

Послушал меня, постукал, повертел, за руку взял и повел.

— Куда? — спрашиваю.

— К источнику.

Что ж, думаю, стаканчик не вредно для аппетита.

Привел, набрал стакан и подает:

— Пейте, голубчик.

Я выпил. Вода препротивная, кошками пахнет, но ничего, один стакан стерпеть можно.

Только допил и конфеткой закусить собрался, второй подает...

Я напряг силу воли и выпил.

А он третий подает, четвертый, пятый, шестой...

— Доктор! — молю, — я уже промыт! Насквозь!

— Так и надо, голубчик, так и надо. — И подает, подает...

Я весь день на улицу не выходил, и ночью глаз не сомкнул... Попробуйте столько выпить!

На другой день ни свет ни заря опять пришел.

— Доктор!..

— Раздевайтесь!

— З... зачем? — Зубы лязгали, будто меня сунули в холодильник.

— Язву удалим! — И ткнул скальпелем пониже пупка.

Я в дверь! До самого автобуса без остановки бежал!

Чемодан мне прислали наложенным платежом.

И теперь я все думаю, думаю... Кто совершил преступление: те, кто давал мне путевки, или я, который их брал? А? Как считаете?

РЕВИЗОР

Сам я бухгалтер-ревизор. Как мужчина я одинок. Почему? Видите ли, я уже немолод, от столицы устал и решил искать жену на периферии. Для пожизненного отдыха.

И вот приезжаю, к примеру, в Краснодар, для производства ревизии. Ну, познакомился. Женщина хорошая, ни к чему вроде не придерёшься, и я, можно сказать, готов подать заявление. Но, произведя ревизию обстоятельствам, подбиваю итог: не то! Город хороший, ничего не скажешь, фрукты-овощи, пожалуйста, полный ассортимент, а вот моря и в помине нету! А раз так — не выйдет номер! Заканчиваю ревизию, прощаюсь с той, что чуть не стала спутницей жизни, и уезжаю.

В следующем году еду, скажем, для ревизии в Ригу. Тоже знакомлюсь, тоже готов подать заявление. Рига, чего уж, кажется, лучше! Вот именно: кажется! Взморье взморьем, а дожди, а туманы? Нет уж, покорно благодарим. И я уезжаю, как и приехал, холостым.

И так, знаете, перебрал чуть не все города. Женщины добрые, милые, да что поделаешь, если тут жара, там дожди, здесь моря нет, там речка летом высыхает. Разве это условия для женитьбы?

Поэтому так и живу: абсолютно холостым.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Простите, работаете?
— А как же!
— Оклад?
— Приличный.
— Площадь?
— Есть.
— Готовить, стирать, штопать, убирать?
— Умею.
— Прошу руки вашей дочери.

АВТОТУРИЗМ

Не знаю, как у вас, а в нашем городе полный сервис! Хочешь провести отпуск автотуристом — пожалуйста! Иди в контору, оформляй прокат, получай машину и кати, куда душе угодно!

Моей душе угодно было ехать прямёхонько к Черному морю.

Дорога — мечта! Кустарники цветут, море рядом, солнце светит и для меня!

Когда подъезжаешь к конечному пункту, всегда немного волнуешься. Я не волновался. В кармане лежал путеводитель, и я свернул к ближайшему кемпингу.

Плакат «Езжай дальше!» ясно указывал на дальнейшие действия.

Я поехал дальше.

Ура! Автостоянка!

— Проезжай! — Сторож махал руками, как стрелочник перед крушением.

Я поехал.

Ура, знак! Можно стать!

— Проезжай! — В мотоцикле сидел автоинспектор.

— Слушай, друг, не могу же я всю жизнь ехать, правда? Где же мне остановиться?

— Там, куда едешь.

— А куда я еду?!

— Проезжай!

Я проехал.

Ура! Пещера!

— Проезжай! — Это были Али-Баба и сорок разбойников: шла киносъёмка.

Я проехал.

И попал на пустынный берег моря.

— Проезжай! — Из-за камня вылез старец в морской тельняшке.

Я не проехал! Я выскочил на ходу из машины, и она покатила без меня!

С автотуризмом было покончено!

КАЛЬМАН В ЧАС ПИК

Час пик. Вся очередь стремится втиснуться именно в этот автобус! Кто скажет, почему в час пик спешат даже те, кому некуда и незачем спешить? Действует закон жизни: вперёд, вперёд, не стоять на месте!

В автобусе час пик продолжается.

— Подвиньтесь, пожалуйста, гражданин...

— Некуда мне двигаться! А вы бы похудели, а то пол-автобуса заняли!

— Осторожно, гражданин, вы мне чуть в глаз не попали.

— А вы, гражданочка, не подставляйте глаза.

— Разрешите, гражданин...

— Куда прёте, вот баба!

Под сводами автобуса зазвучал страстный тенор:

— Без милых, славных женщин жизнь пуста.
Нас манят вечно женские сердца!..

И вдруг!..

— Пожалуйста, гражданка...

— Разрешите помочь, гражданка...

— Будьте любезны, гражданка...

— Благодарю вас, гражданка...

Волшебник за рулем улыбается. Он вовремя включил радио!

СОДЕРЖАНИЕ

Рита Осиповна Слуцкая

МАЛЕНЬКИЕ СЛАБОСТИ

Редактор Г. Семенов
Художник Г. Остапенко
Художестаенный редактор Н. Тарасенко
Технический редактор Л. Моргунова
Корректоры И. Лагуноаа, Б. Кенигфест

Сдано в набор 4/XII 1970 г. Подписано к печати 5/VII 1971 г. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печатных листов 2,97. Уч.-изд. листов 2,66. Тираж 15000. Цена 8 коп. АБ 09690. Зак. 116.

Издательство «Картя молдовеняскэ»
Кишинеа, ул. Жукоаского, 44.

Белоцерковская книжная типография Комитета по печати при Соаете Миянистров УССР, ул. К. Маркса, 4.

8 коп.

Картя Молдовеняскэ 1971